DK
111
.5

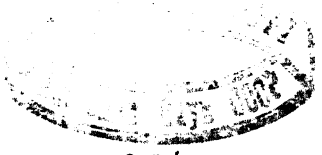
И. С. Бѣляевъ.

# УГЛИЧСКОЕ СЛѢДСТВЕННОЕ ДѢЛО О СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ 15 мая 1591 г.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. 28.
1915.

бк. 1-

351
38



# Угличское слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія 15 мая 1591 г.

Подъ указаннымъ выше заголовкомъ Императорскій Московскій археологическій институтъ имени Императора Николая II въ концѣ 1913 года издалъ, при редакціи В. К. Клейна, три работы, посвященныя этому дѣлу: 1) точное фототипическое воспроизведеніе подлинника, хранящагося въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, всѣхъ его 54 склеекъ, заключенныхъ въ особую папку; 2) для широкаго и доступнаго распространенія новое (послѣ „собранія грамотъ“ и А. С. Суворина) третье печатное изданіе текста и 3) дипломатическое изданіе подлинника.

Такимъ образомъ, къ загадочному и страшному событію, имѣвшему мѣсто болѣе 300 лѣтъ назадъ на крутомъ берегу Волги, время отъ времени возвращаются изслѣдователи, стараясь поднять завѣсу тайны или найти новыя въ ней стороны.

Въ 1907 году въ первой книжкѣ „Чтеній Императорскаго общества и исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“ мною былъ впервые разобранъ подлинникъ слѣдственнаго дѣла, со стороны дипломатики, были приложены два болѣе выдающихся и характерныхъ его снимка, а въ заключеніе выражено пожеланіе *„изданія фототипическимъ способомъ* этого прекраснаго обращика приказной письменности конца XVI вѣка: оно того заслуживаетъ“. Кромѣ того къ изслѣдованію мною былъ приложенъ алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ; на основаніи его сдѣланъ цѣлый рядъ выводовъ, относящихся къ дѣлу.

Поэтому мнѣ крайне грустно было и не за себя, а за молодого автора вышеуказанныхъ трудовъ, что онъ не только не

сказалъ намъ должнаго спасиба за предъуказаніе фототипіи дѣла и за систему алфавита, которую онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду при своей работѣ, но что въ предисловіи къ печатному тексту увѣряетъ, что онъ „*впервые* произвелъ дипломатическое изслѣдованіе слѣдственнаго дѣла, непосредственно по хранящемуся въ архивѣ оригиналу“ (III). Если бы г. Клейнъ не зналъ моего изслѣдованія, тогда это объяснялось бы просто, но онъ въ своемъ „дипломатическомъ изслѣдованіи подлинника“, начиная съ 45 стр. предисловія и чуть не до конца продолжаетъ ссылаться на нашъ трудъ, соглашается или отрицаетъ,—тѣмъ страннѣе его увѣреніе о „впервые произведенномъ имъ дипломатическомъ изслѣдованіи“.

Будучи повидимому влюбленъ въ свое лишь изслѣдованіе, авторъ желалъ бы, чтобы „*каждый* письменный памятникъ прежде, чѣмъ перейти въ руки историка, долженъ быть тщательно разсмотрѣнъ и изученъ археографомъ“ (43).

„Приступая *впервые*,—(говоритъ онъ дальше),—къ дипломатическому изслѣдованію дѣла, мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ взгляды историковъ на угличское событіе *и не задаемся цѣлью критиковать* ихъ историческую точку зрѣнія въ вопросѣ о смерти царевича и о роли дѣятелей смутной эпохи“ (XLVI).

Но въ своемъ заключеніи авторъ повидимому забываетъ о заявленномъ безпристрастіи, восклицая: „можемъ ли мы послѣ дипломатическаго изученія слѣдственнаго дѣла согласиться со взглядомъ И. С. Бѣляева на цѣнность изученнаго акта и принять его соображенія“? (98). И дальше: „въ этихъ словахъ (П. В. Голубовскаго) слышится уже не пристрастное отношеніе къ дѣлу, а прямое отрицаніе самаго акта“ (стр. 113).

Наконецъ, въ самомъ главномъ заключеніи, въ томъ „разсмотрѣніи и изученіи археографа“, которое В. К. Клейнъ преподноситъ историку, какъ результатъ своей работы, онъ утверждаетъ дважды *самозакланіе царевича* (стр. 128 и 131) и поэтому, по нашему мнѣнію, вся его большая и кропотливая работа сводится въ ничто. Онъ старается доказать, что слѣдственное дѣло „не даетъ *никакого повода* заподозрѣвать Шуйскаго и его товарищей въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу, а *тѣмъ болѣе* говорить о явныхъ поддѣлкахъ, обнаруживаемыхъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ состояніемъ памятника“ (стр. 130) и ради защиты внѣшняго его вида утверждаетъ, что давно уже забылось отъ Погодина.

Между тѣмъ, кромѣ этого *единственнаго* пристрастнаго свидѣтельства слѣдственнаго дѣла о самозакланіи царевича, ни

одна изъ русскихъ лѣтописей, ни записи современниковъ какъ русскихъ (повѣсть кн. С. И. Шаховского, временникъ Тимофеева, повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго), такъ и иностранныхъ (Беръ, Паерле, Маскевичъ, Масса, Петрей, „дневникъ“ Марины Мнишекъ), наконецъ оба крупнѣйшихъ историка Карамзинъ и Соловьевъ ни однимъ словомъ не подтверждаютъ версіи о самозакланіи, а наоборотъ всѣ указываютъ объ убіеніи царевича, всѣ сходятся въ одномъ *этомъ* фактѣ. Одинъ изъ ближайшихъ же современниковъ и въ то же время одинъ изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ русскихъ писателей Авраамій Палицынъ говоритъ: „Егда же заколенъ бысть той незлобивый агнецъ Дмитрій царевичъ, тогда весь градъ Угличъ возмятеся и емше убійцъ его, смерти предаша“.

Ближайшій родственникъ царевича, бывшій во время событія 15 мая 1591 г. въ Угличѣ, Андрей Александровичъ Нагой, въ своей духовной, написанной имъ 19 декабря 1617 года, незадолго до смерти, когда онъ, какъ говорится въ документѣ, „изнемогъ“, объясняетъ, что „его, Андрея, животы (т. е. имущество) взяли въ опалѣ на государя, *какъ царевича Димитрія убили*“. А во время допросовъ княземъ Шуйскимъ онъ же показалъ, что „царевичъ былъ *зарѣзанъ*, а того онъ не видалъ, кто зарѣзалъ“. Такимъ образомъ, и спустя четверть вѣка послѣ событія, помышляя о будущей жизни, этотъ родственникъ царевича повторяетъ прежнее свое показаніе. Если бы онъ въ первый разъ далъ невѣрное, то въ своемъ завѣщаніи онъ могъ бы его исправить. Однако и здѣсь онъ утверждается на прежнемъ показаніи, что царевичъ убитъ, а не закланъ. Въ 1617 г. ничто уже не мѣшало ему сознаться въ своей ошибкѣ, если бы она была: отъ того не пострадали ни святость невиннаго младенца, ни прочность новоизбраннаго царя.

Но авторъ дипломатическаго изслѣдованія „Угличскаго слѣдственнаго дѣла“ В. К. Клейнъ дѣлаетъ довольно странную натяжку, чтобы обезцѣнить нашъ документъ—завѣщаніе, онъ даже позволяетъ себѣ отожествить самозакланіе ребенка, явившееся во всякомъ случаѣ не по его винѣ, а скорѣе вслѣдствіе попустительства со стороны надзирателей, съ *самоубійствомъ*. „Вѣдь духовное завѣщаніе (Нагого),—говоритъ онъ,- можетъ потерять всякое *оффиціальное* значеніе, если въ него будутъ внесены субъективные взгляды на *справедливость* правительственныхъ постановленій. Въ 1617 г. нельзя было выразиться о смерти царевича иначе, какъ словомъ убили. Какую оффиціальную цѣнность имѣла бы духовная Нагого, если бы онъ назвалъ въ

ней новопрославленнаго святого *самоубійцею*. Трудно себѣ представить, какъ поплатился бы человѣкъ, а особенно родственникъ Нагихъ за подобныя кощунственныя слова въ XVII вѣкѣ... Цѣлая группа духовныхъ лицъ (свидѣтелей) не станетъ подписываться подъ духовной съ кощунственными, на взглядъ правительства, словами; этого, надѣемся, и И. С. Бѣляевъ не станетъ опровергать“ [1]).

Въ этой посылкѣ В. К. Клейнъ старается объяснить постановку вопроса начала XVII вѣка *нынѣшними* юридическими формами, повидимому забывая о той патріархальности, которая существовала тогда, когда завѣщатель составлялъ свою духовную большею частію „вѣчнаго ради покоя и будущихъ благъ наслажденья“,—какъ обыкновенно въ нихъ писалось. Тогда подписи завѣщателя и удостовѣренія его свидѣтелями, какъ было въ духовной Нагого и въ сотняхъ другихъ, ей современныхъ, было вполнѣ достаточно для „оффиціальной“ ея цѣнности, а крѣпость ея даже, при тогдашнемъ сильномъ родовомъ укладѣ жизни, для потомковъ имѣла громадное значеніе на цѣлыя столѣтія, большее, чѣмъ теперешнія вполнѣ юридическія нотаріальныя завѣщанія, сплошь и рядомъ толкуемыя вкривь и вкось.

Относительно вида смерти святого В. К. Клейнъ едва-ли толкуетъ, какъ православный. Наша церковь совершенно свободно признавала всякій видъ кончины святителя, разъ затѣмъ являлось прославленіе его мощей. Преподобный Прокофій Устюжскій найденъ на четвертый день по его смерти, послѣ какой-то странной снѣжной бури, лежащимъ на голой землѣ, и однако онъ причисленъ къ лику святыхъ. Закланіе царевича при игрѣ въ свайку, при внезапномъ припадкѣ падучей болѣзни, какъ происшедшее не по его волѣ, если бы даже оно такъ и было, все равно не могло бы служить препятствіемъ къ объявленію его мощей, разъ были чудеса.

Было бы, какъ разъ наоборотъ, кощунственно со стороны группы духовныхъ лицъ подписаться подъ завѣщаніемъ А. А. Нагого, если бы онъ написалъ въ немъ, что царевичъ заклался самъ. Въ 1617 г., конечно, вся Россія знала истинную причину смерти ребенка въ Угличѣ 15 мая 1591 г. Какъ могли подписаться свидѣтели подъ такимъ завѣщаніемъ, когда ихъ же современникъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ, Авраамій Палицынъ,

---

[1]) В. К. Клейнъ. Дипломатическое изслѣдованіе Угличскаго слѣдственнаго дѣла, стр. 108.

говоритъ, что царевичъ зарѣзанъ. Въ бумагѣ близкой къ послѣднему часу человѣка, они на такую ложь не пошли бы, какъ не отважился бы на то, по моему мнѣнію, и завѣщатель, несмотря ни на какое „оффиціальное значеніе документа", а считая жизнь „въ будущемъ вѣцѣ" важнѣе временной настоящей.

Исходя изъ этой мысли, въ жизни Годунова мы видимъ новое, полное драматизма, положеніе, на которое до сихъ поръ историками не было обращено вниманія. Пятно на его имени лежитъ не въ соучастіи убійства ребенка, а въ попустительствѣ извращенія факта убійства. Его правительствомъ царю дѣло было представлено такъ, что ребенокъ закололся самъ, а Нагіе и жители Углича возмутились якобы неправильно и убили невинныхъ Битяговскихъ и Волохова. И Нагіе и цѣлыя сотни угличскихъ жителей были за это жестоко наказаны, тогда какъ, какъ мы видѣли по духовной А. А. Нагого, убійство было дѣйствительно произведено, и тогда Нагіе и угличане могли бы быть наказаны лишь за самовольство. Правительство Годунова должно бы имѣть мужество открыть истину, тогда бы многіе не пострадали невинные, но за то само правительство было бы поставлено въ неловкое положеніе. Оно этого не сдѣлало, за вопли несчастныхъ поплатился Годуновъ.

Какія же были тому причины?

Ссылка въ Угличъ царевича Димитрія съ матерью и ея родственниками была, конечно, устроена подъ вліяніемъ Бориса, и безопасность этого двора въ Угличѣ безъ сомнѣнія лежала на правительствѣ Годунова. Слѣдовательно, если бы оно объявило о фактѣ, какъ онъ дѣйствительно случился, т. е. что ребенокъ убитъ, тогда часть вины за это событіе правительство Бориса должно бы принять за себя, но за Годуновымъ стоялъ главнымъ представителемъ власти его зять, мягкосердечный царь Ѳеодоръ Ивановичъ. Послѣдній, если бы даже и простилъ шурина за происшествіе въ Угличѣ, то все время самъ бы мучился угрызеніями совѣсти за убійство брата, допущенное въ его царствованіе. Конечно, Борисъ зналъ отлично свойства души своего царственнаго зятя и вотъ, повидимому для избавленія его отъ нравственныхъ мученій, онъ измыслилъ такое рѣшеніе угличскаго дѣла, которое стало *„Божьимъ судомъ"*. Передъ такой формулой, выдвигающейся въ дѣлѣ, чтобы повидимому она была замѣтной, долженъ былъ преклониться и смириться царь Ѳеодоръ Ивановичъ. На слѣдствіе въ Угличъ были посланы близкій Годунову Клешнинъ и такой коварный боя-

ринъ, какъ князь В. И. Шуйскій, чрезвычайно гибкій подъ давленіемъ всякой власти или всякаго факта, какъ видно изъ дальнѣйшей его дѣятельности.

Это извращеніе уголовнаго случая для спокойствія царя было несомнѣнно извѣстно и патріарху Іову, стоявшему во главѣ освященнаго собора, докладывавшаго дѣло Ѳеодору Ивановичу. И всѣ трое, бывшіе главными попустителями извращенія факта и потому виновниками страданій многихъ лицъ, по волѣ какъ бы высшаго верховнаго Судіи, получили тяжкія наказанія, но Шуйскій и Іовъ еще при жизни успѣли отчасти исправить свой грѣхъ: первый всенароднымъ прославленіемъ убіеннаго ребенка, при перенесеніи его мощей въ Москву, а второй—собственнымъ своимъ опроверженіемъ угличскаго факта, прочитаннымъ всенародно въ Успенскомъ соборѣ въ прощальной грамотѣ бывшаго патріарха, гдѣ о кончинѣ ребенка сказано, что онъ „*пріятъ закланіе* неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ“ [1]).

Третій виновникъ извращенія угличскаго событія Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ не успѣлъ при жизни ничѣмъ исправить своего попустительства, въ которомъ онъ былъ, вѣроятно, главнымъ виновникомъ. Съ этимъ грѣхомъ, быть можетъ даже не имѣющимъ ничего общаго съ соучастіемъ въ убіеніи ребенка, онъ сошелъ въ могилу, а высшій верховный судъ свершился надъ его семьею, получившею самыя тягчайшія наказанія. Сотни же угличанъ, невинно сосланныхъ, и оставшіеся въ живыхъ Нагіе, послѣ смутнаго времени, молчать уже объ извращеніи угличскаго событія не стали, виновникомъ извращенія и своихъ пережитыхъ страданій они называли, конечно, Годунова, главнаго правителя въ эпоху событія; ихъ разсказы переходили, конечно, изъ устъ въ уста, переходили въ народъ, для котораго уже по этимъ даннымъ было легко перейти къ выводу объ организаціи всего угличскаго убійства Борисомъ, хотя быть можетъ того въ дѣйствительности и не происходило. Но какъ бы ни было, неискупленный грѣхъ Годунова въ явномъ извращеніи угличскаго дѣла былъ несомнѣнно памятенъ въ народѣ еще при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, и вотъ именно это пятно на имени Бориса, а не его гоненія на братьевъ „Никитичей“, забытыя ихъ потомками, послужило вѣроятно причиною, что прахъ его съ семью до сихъ поръ покоится въ бѣдномъ почти погребномъ каменномъ зданіи въ Троицкой

[1]) Карамзинъ—„Исторія государства Росс.“, т. XII, примѣч. 108.

Лаврѣ съ надписью: „Усыпальница Годуновыхъ“ [1]), тогда какъ другой дѣятель того же извращенія—Василій Ивановичъ Шуйскій нашелъ себѣ болѣе почетное мѣсто, несмотря даже на то, что онъ скончался не въ Россіи, а невольникомъ въ Польшѣ и для возвращенія его останковъ на родину было приложено не мало хлопотъ.

Не пора ли и въ отношеніи Б. Ѳ. Годунова забыть не искупленный за его смертью грѣхъ и отвести ему болѣе почетную усыпальницу, памятуя, что онъ все-таки достойно заключилъ собою цѣлый рядъ „собирателей“ Руси, предшественниковъ дома Романовыхъ, настолько укрѣпилъ страну, что она съ честью вышла изъ одного изъ величайшихъ испытаній, которое оставило слѣдъ въ нашей исторіи подъ названіемъ смутнаго времени, „разрухи“.

Возвращаясь же къ дипломатическому изслѣдованію г. Клейномъ подлинной рукописи Угличскаго слѣдственнаго дѣла, мы должны прежде всего сказать, что онъ дѣлаетъ такую же ошибку, какъ утвержденіе самозакланія царевича, стараясь во что бы ни стало доказать, что теперешняя спутанность и дефектность дошедшаго до насъ документа произведена *„временемъ* и небрежнымъ обращеніемъ, а никакъ не слѣдственной комиссіей и не московскими царями, какъ утверждаетъ, напримѣръ, И. С. Бѣляевъ [2]). Съ головокружительною быстротою несется г. Клейнъ по полюбившейся ему мысли, гадательно и мечтательно выражаясь: „Можетъ быть выяснится, что „слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія составлено *вполнѣ добросовѣстно*, что Шуйскій оказался *честнымъ* слѣдователемъ, и вопросъ, какъ умеръ царевичъ Дмитрій, отъ руки ли убійцъ, или отъ своей собственной, въ припадкѣ падучей, можетъ стать передъ нами въ болѣе *простомъ и ясномъ* къ разрѣшенію видѣ“ [3]).

Но стараясь объяснить дефектность подлинника „временемъ“, г. Клейнъ самъ запутывается въ послѣднемъ.

На оборотѣ перваго листика рукописи имѣется надпись: „Дѣло розыскное *чо* г. *про убивство* царевича Димитр. Ивановича на Угличе, конц. і начала нетъ“. Г. Клейнъ про эту надпись говоритъ, что она „сдѣлана почеркомъ весьма характернымъ *для первой четверти XVIII вѣка* и принадлежитъ перу

---

[1]) Крупному дѣятелю въ нашей исторіи пора бы хотя въ самой лаврѣ уготовить болѣе соотвѣтствующее его высокому положенію помѣщеніе. Это долгъ теперешнихъ поколѣній.

[2]) Дипломатическое изслѣдованіе подлинника, стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 14.

одного изъ первыхъ архиваріусовъ, должность которыхъ при иностранной коллегіи была учреждена впервые Петромъ Великимъ [1])".

Съ 1700 г., когда введено было новое лѣтосчисленіе не отъ созданія міра, а отъ Рождества Христова, старое лѣтосчисленіе и буквенныя цифры перестали употребляться, такъ что надпись на оборотѣ перваго листика, или склейки, Угличскаго слѣдственнаго дѣла, была сдѣлана не въ первой четверти XVIII столѣтія, а *въ концѣ XVII* и скорѣе, по нашему мнѣнію, основанному на опытѣ, въ семидесятыхъ-восьмидесятыхъ его годахъ.

Надпись совершенно вѣрно поясняетъ существенный вопросъ, что было *убійство* и что въ рукописи *нѣтъ начала и конца*. Первое должно содержать донесеніе къ царю изъ Углича о событіи 15 мая 1591 года, съ указаніемъ, кѣмъ оно сдѣлано, выписка или справка, кто въ Угличѣ находился въ управленіи города, и какіе изъ Москвы были даны ему наказы, распоряженіе Царя объ образованіи слѣдственной комиссіи, наказъ послѣдней. Начало дѣла, вѣроятно, выясняло ту необычайную спѣшность, которая видна въ отъѣздѣ слѣдственной комиссіи къ мѣсту происшествія: отъ Углича до Москвы, даже при тогдашнемъ водяномъ пути, было до 500 верстъ; скача днемъ и ночью, даже конный могъ только въ два дня доставить извѣстіе въ столицу; по крайней мѣрѣ, два же дня нужно было и слѣдственной комиссіи, посланной изъ Москвы, доѣхать до Углича; только при этой спѣшности она могла прибыть сюда 19-го мая 1591 года, т. е. всего *черезъ 4 дня* послѣ событія. Требовалась необыкновенная быстрота какъ для рѣшенія о назначеніи комиссіи, такъ и для выѣзда на слѣдствіе такого важнаго боярина, какимъ являлся князь В. И. Шуйскій. Времени для этого церемоніала было такъ мало, что невольно является предположеніе, что не было ли все приготовлено въ Москвѣ заблаговременно до *событія* въ Угличѣ. Во всякомъ случаѣ, начало Угличскаго слѣдственнаго дѣла должно было, можетъ быть, вполнѣ или отчасти пролить свѣтъ на интересующія насъ стороны, а его *еще въ XVII* вовсе уже *не было при дѣлѣ*; его отсутствіе тѣмъ страннѣе, что по порядку стариннаго дѣлопроизводства начало *столбца* составляло самый его центръ, самую сердцевину, къ нему присоединялись дальнѣйшія части дѣла, дальнѣйшія склейки и вокругъ него свертыи-

[1]) Тамъ же, стр. 11.

вались. *Чтобы утратить начало*, прежде нужно было развернуть весь столбецъ, вынуть это начало, и тогда уже затерять. Слѣдовательно, еще *до надписи* на слѣдственномъ дѣлѣ XVII вѣка, кто-то его свитокъ развертывалъ, послѣ чего начало—цѣлый рядъ склеекъ были оторваны и утеряны. Отсутствіе начальныхъ склеекъ, рисующихъ обрядную сторону слѣдствія въ первой его стадіи, могло быть выгодно впослѣдствіи только двоимъ лицамъ, игравшимъ крупную роль въ это время: Борису Ѳедоровичу Годунову и князю Василію Ивановичу Шуйскому; тому и другому при воцареніи для будущаго потомства *и преемниковъ* непріятно было оставлять письменныя свидѣтельства, гдѣ дѣятельность ихъ представлялась болѣе, чѣмъ загадочной; такимъ образомъ, изъятіе начальныхъ склеекъ дѣла, по моему мнѣнію, было сдѣлано въ царствованіе одного изъ нихъ.

Такое же изъятіе, и опять при царствованіи Б. Ѳ. Годунова или В. И. Шуйскаго, было сдѣлано и съ концомъ дѣла, гдѣ по самой меньшей мѣрѣ должны находиться донесенія Дроздова и Жеребцова о высылкѣ въ Москву кормилицы Орины съ мужемъ, вѣдуна Андрюши и, наконецъ, приговоръ о наказаніи виновныхъ, приговоръ, мотивированный, конечно, представлявшій видный документъ какъ для характеристики лица, именемъ царя вершившаго дѣло, такъ и для боярина, производившаго слѣдствіе. Въ концѣ дѣла также могли находиться показанія тѣхъ угличанъ, которые были виновны въ актѣ убійства Битяговскихъ и Волохова; у нихъ, конечно, были свои *имена*, одни изъ нихъ были виновны больше, другіе меньше, слѣдовало доискиваться зачинщиковъ убійства Битяговскихъ и Волохова, а между тѣмъ, въ дѣлѣ такъ и остался совсѣмъ невыясненнымъ вопросъ, *кто же именно* ихъ убилъ и по какому побужденію. Если этихъ показаній не было сдѣлано вообще, то это еще разъ подтверждаетъ мысль о крайне преступномъ веденіи угличскаго слѣдствія кн. В. И. Шуйскимъ, о которомъ говорятъ почти всѣ крупнѣйшіе русскіе историки.

Конечно, трудно сказать, кто изъ нихъ Б. Ѳ. Годуновъ или В. И. Шуйскій изъяли изъ угличскаго слѣдственнаго дѣла начало и конецъ, можетъ быть, одинъ изъ нихъ, или каждый по части, но нужно сказать, что отрывками самыхъ существенныхъ мѣстъ они достигли того, что дѣло въ настоящемъ видѣ представляетъ такое запутанное содержаніе, въ которомъ дѣятельность того и другого представляется крайне затруднительной для пониманія: что они посѣяли и желали, то и получилось.

Кромѣ того, въ подлинной рукописи слѣдственнаго дѣла имѣется цѣлый рядъ неправильно склеенныхъ между собою склеекъ, такихъ, что отвѣтъ на одну помѣщенъ черезъ нѣсколько другихъ, въ дѣлѣ видно *хозяйничанье* расположенія его составныхъ частей въ эпоху, когда лица, его писавшія, были живы, т.-е. подтасовка, сдѣланная въ *концѣ XVI или въ самомъ началѣ XVII* столѣтія. Кромѣ другихъ я укажу, какъ на яркій примѣръ тогдашней подтасовки, на 16 листъ подлинника, состоящій изъ двухъ склеекъ, при чемъ на первой маленькой написано всего 7 строкъ, а на второй все остальное то же показаніе пономаря Огурца; и та и другая склейка, служа продолженіемъ одна другой и будучи написана однимъ и тѣмъ же лицомъ, въ то же же время отличаются другъ отъ друга шириной поля, которое у первой на полвершка шире, чѣмъ у второй, потому что у этой послѣдней текстъ въ свою очередь на полвершка шире первой. Такимъ образомъ, къ нижней части видна ясная *приставка* маленькой первой, хотя и написанной тѣмъ же почеркомъ, но имѣющей болѣе широкую колонну текста; это соединеніе двухъ различныхъ по размѣру текста половинокъ ясно указываетъ, что въ свое время онѣ каждая шли отдѣльно къ своему прямому назначенію, а потомъ ихъ соединили, взявъ быть можетъ отъ одного начало, отъ другого конецъ, а быть можетъ верхнюю половинку прибавили наскоро, не придавая уже тому значенія. Несомнѣнно, что верхняя половинка была подмѣнена, это подтверждается еще тѣмъ, что на ней пономарь названъ Ѳедоромъ, тогда какъ на слѣдующей склейкѣ того же листа онъ дважды именуется Ѳедотомъ. За верхушкою же впереди 16 листа идетъ показаніе Андрея Нагого, говорившаго, что царевича *зарѣзали*. Какъ это показаніе, такъ и допросъ Михаила Нагого, указывавшаго тотъ же мотивъ смерти царевича, были весьма невыгодны для Лжедимитрія перваго, какъ противорѣчившее его спасенію и дававшее, по его мнѣнію, ложное объясненіе Угличскаго событія для потомства. Поэтому я думаю, что при Лжедимитріи, начиная съ верхней склейки 16 листа — показанія Огурца и захватывая, быть можетъ, нѣсколько другихъ склеекъ, въ томъ числѣ и допросъ Андрея Нагого, въ угличскомъ слѣдственномъ дѣлѣ была иная группировка матеріала, еще разъ за тѣмъ редактированная и, вѣроятно, въ послѣдній разъ В. И. Шуйскимъ, по его воцареніи. Я убѣжденъ, что уже къ избранію на царство Михаила Ѳедоровича Романова это дѣло, послѣ перетасовокъ при Годуновѣ, Шуйскомъ и Лжедимитріи, уже представлялось

въ такомъ же дефектномъ видѣ, въ которомъ оно дошло до насъ.

Послѣдній же изслѣдователь рукописи угличскаго дѣла г. Клейнъ всю дефектность этой рукописи старается объяснить предполагаемыми ими дѣйствіями надъ нею архиваріусовъ XVIII вѣка и оставшимся на рукописи водянымъ пятномъ, которое, конечно, отчасти можетъ служить указаніемъ на составъ документа, но только съ того времени, когда появилось на немъ пятно и во всякомъ случаѣ не давая никакихъ доказательствъ къ тому, въ какомъ состояніи находилась рукопись въ началѣ XVII вѣка, когда по нашему мнѣнію въ ней были произведены перетасовки.

Г. Клейнъ, казалось бы, правильно понимаетъ, что „въ Петровское время угличское слѣдственное дѣло уже никому не было нужно", слѣдовательно, надо бы остановиться надъ вопросомъ, кому же оно было *нужно*, и перейти къ лицамъ, въ немъ заинтересованнымъ, къ концу XVI или началу XVII вѣка; онъ, однако, выражаясь его же словами, продолжаетъ „ломать голову надъ измышленіями", относящимися къ Петровскому времени.

Онъ *предполагаетъ*, что рукопись угличскаго слѣдственнаго дѣла была небрежно исправлена архиваріусомъ начала XVIII вѣка (не ранѣе 1720 года, когда по генеральному регламенту учреждена была эта должность); тогда какъ вся дѣятельность архиваріусовъ въ XVIII вѣкѣ состояла не въ исправленіи документовъ, въ особенности столбцовъ, а лишь во внѣшнемъ наблюденіи документовъ и въ заключеніи разбившихся склеекъ одного и того же дѣла въ одну обложку съ общимъ заголовкомъ, безъ склеиванія ихъ по листамъ въ свитки, такъ какъ уже съ начала XVIII столѣтія дѣлопроизводство приняло новую форму—листы подшивались въ тетради, почему и склеиваніе столбцовъ считалось отсталостью и не практиковалось.

Въ архивѣ же министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ угличское слѣдственное дѣло находится на храненіи, мнѣ приходилось слышать, что дѣло это обращено изъ свитка въ тетрадку въ началѣ XIX столѣтія послѣ напечатанія его въ „Собраніи грамотъ и договоровъ"; здѣсь же въ печатномъ текстѣ сдѣлана оговорка, что „дѣло писано *на столбцѣ*", т.-е. что еще и во время его напечатанія оно находилось въ сверткѣ и, слѣдовательно, только послѣ 1819 года оно было обращено въ тетрадку и переплетено. Странно поэтому читать повторное заключеніе г. Клейна, что дѣло было переплетено *въ 1798*

*году* (стр. 2 и 5) съ указаніемъ, что „документальныхъ свѣдѣній, когда былъ сдѣланъ переплетъ, *не имѣется*“ (стр. 5). Для своего доказательства г. Клейнъ беретъ водяные знаки, но изъ его же разбора этихъ знаковъ, помѣщенныхъ на 4 страницѣ, видно, что ихъ принимать слѣдуетъ *относительно:* въ подлинной рукописи одного и того же угличскаго слѣдственнаго дѣла 1591 года попадаются листики, датируемые по водянымъ знакамъ и 1581 и 1542 года, слѣдовательно, въ одномъ дѣлѣ бумага употреблена съ промежуткомъ почти въ 40 лѣтъ, а мы имѣли документъ, указывавшій, что бумага, привезенная въ Архангельскъ въ началѣ XVII столѣтія, была употреблена въ дѣло лишь въ началѣ XVIII, т. е. ровно черезъ 100 лѣтъ; значитъ, при неимѣніи даты на такой бумагѣ, ошибку для ея опредѣленія по водянымъ знакамъ можно было сдѣлать на цѣлое столѣтіе.

Вообще странное впечатлѣніе оставляютъ многіе выводы „дипломатическаго изслѣдованія“ угличскаго слѣдственнаго дѣла; выводы собственные большею частью критически не провѣрены, тогда какъ для отрицанія чужихъ выводовъ употребляются такіе пріемы, какъ объясненіе ширины колонны текста на 16 склейкѣ *„простымъ* желаніемъ дьяка уширить не въ мѣру сузившіяся строки“ или названіе Ѳедота Ѳедоромъ *„простой*, естественной ошибкой“ (стр. 64 и 65).

Не отрицая въ одномъ мѣстѣ (стр. 69), что среди „начальныхъ *утраченныхъ* листовъ могли быть еще какія-либо свѣдѣнія, такъ какъ до листа съ записью въѣзда слѣдственной комиссіи въ Угличъ остается мѣсто, размѣръ котораго *можетъ* быть *произвольнымъ*, авторъ „дипломатическаго изслѣдованія“ въ то же время говоритъ, что водяныя пятна, находящіяся на *первыхъ 23 склейкахъ* подлинной рукописи угличскаго дѣла, служатъ намъ самымъ безпристрастнымъ и *самымъ вѣрнѣйшимъ* критическимъ матеріаломъ *для провѣрки* внѣшняго состоянія дѣла и выясненія происшедшихъ въ немъ *перемѣнъ за 300 лѣтъ* его существованія“ (стр. 12).

Но г. Клейнъ, ставя такъ вопросъ, говоритъ съ современной намъ точки зрѣнія, съ положенія документа въ настоящее время, забывая старину. Вѣдь даже по его діагнозу, водяныя пятна относятся къ положенію дѣла въ столбцѣ въ теперешнемъ расположеніи его листовъ, т.-е. въ такомъ порядкѣ, гдѣ дѣйствительное начало дѣла о пріѣздѣ Шуйскаго и т. д. является уже верхними листиками столбца. Но при производствѣ самого слѣдствія былъ другой порядокъ, тамъ нынѣшнее

начало было въ самомъ концѣ столбца, въ его центрѣ, а *конецъ* составлялъ *верхнія* склейки столбца, къ которымъ приклеивались всѣ вновь поступавшія бумаги и съ ними столбъ вновь навертывался, увеличиваясь въ діаметрѣ. Такимъ образомъ, *послѣднія склейки* до 61 включительно по настоящему составу дѣла *были верхними*, а на нихъ какъ разъ отсутствуютъ водяныя пятна, слѣдовательно, и вся теорія этихъ послѣднихъ въ отношеніи къ моменту наличности слѣдственнаго дѣла при его веденіи отпадаетъ, а является естественный вопросъ, какъ могло *утратиться* дѣйствительное начало дѣла, находясь въ столбцѣ въ самомъ его центрѣ? Если бы по окончаніи дѣла никто имъ не интересовался, тогда бы и столбецъ никто не раскатывалъ и все начало *цѣликомъ* дошло бы до насъ, могъ бы утратиться конецъ дѣла—его оберточные листы, а середина бы осталась. До водяныхъ пятенъ изъ него изъяли начало, изъяли конецъ, перекатали столбецъ началомъ вверхъ, забыли объ немъ, и тогда онъ можетъ быть подвергся гдѣ-нибудь въ сыромъ мѣстѣ подмочкѣ, получивъ водяныя пятна.

Предположенія другихъ лицъ г. Клейнъ считаетъ или „совершенно неосновательными“ или же „не могущими даже подлежать разсмотрѣнію археографа“ (т.-е. его), тогда какъ самъ онъ относительно сомнительныхъ случаевъ, нисколько не смущаясь, почти на той же страницѣ (75) говоритъ: „*мы* и высказываемъ *предположеніе*, что обѣ подписи Русина и Нагого были сдѣланы на одномъ листѣ, который вмѣстѣ съ началомъ дѣла нынѣ утраченъ“. Немного ранѣе: „рукоприкладство Михаила Нагого, *можно предположить*, находилось на одномъ изъ утраченныхъ листовъ“ (стр. 74).

Авторъ „дипломатическаго изслѣдованія“ дважды въ примѣчаніяхъ къ тексту угличскаго слѣдственнаго дѣла и къ фототипическимъ снимкамъ утверждаетъ, что напечатанное въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“ названіе (съ листа 41 рукописи) мужика „*бѣлотѣльцемъ*“ ошибочное, что слѣдуетъ читать „бѣлозерца“, потому что, „сличая начертаніе буквы *рцы* и *земля* съ другими буквами въ этой же челобитной, убѣждаешься, что данное слово слѣдуетъ читать именно „бѣлозерца“, а не Бѣлотельца. Писецъ очень нетвердымъ почеркомъ написалъ букву *рцы* въ три штриха, что придало ей форму близкую къ „л“ подъ *взметомъ*; букву з, близкую по начертанію съ „т“, можно найти во многихъ словахъ челобитной“ (стр. 50 и 26). Г. Клейнъ и нѣкогда г. Бѣловъ въ изданіи угличскаго слѣдственнаго дѣла А. С. Суворинымъ, на-

печатавшій также „бѣлозерца“, дѣлаютъ крупную ошибку, извращая чрезвычайно характерное старинное выраженіе въ искусственное. И со стороны палеографической это слово даетъ одинаковое изображеніе его буквъ въ другихъ словахъ того же писца: „т“ хвостатое употреблено только двумя строчками выше въ словѣ: „убити“, а прекрасно написанное „л“ съ *каморою* верхнее выносное оканчиваетъ дважды повторяющееся слово „велѣлъ“, такъ что никакого сомнѣнія нѣтъ, что слово слѣдуетъ читать: „*белотельца*“ (бѣлотѣльца). Въ обычаѣ времени географическое наименованіе было прибавлять только къ служилымъ людямъ и посадскимъ: „бѣлозерецъ или костромичъ сынъ боярскій“, „калужанинъ или чухломецъ посадскій человѣкъ“, а къ крестьянамъ это не примѣнялось. Въ толковомъ словарѣ Даля (вып. 1, стр. 139) разбираемое нами слово объясняется такъ: „ярославцы-красавцы бѣлстельцы“. Въ г. Кашинѣ, Тверской губ. „бѣлотельцами“ называются люди, моющіе посѣтителей въ баняхъ, — столичные „парильщики“. Въ послѣднемъ значеніи несомнѣнно и состоялъ при угличскомъ княжескомъ дворѣ „мужикъ-бѣлотѣлецъ“.

Еще г. Клейнъ очень неудачно вводитъ *архаизмы*, стараясь поставить на видъ, что „не слѣдуетъ смѣшивать названій „столпъ“ и „столбецъ“ (въ архивномъ, конечно, значеніи) и объясняя въ то же время, что *отдѣльные листы* старинныхъ свитковъ, склеивавшіеся другъ къ другу, „носятъ названіе столбцовъ *или ставовъ*“ (стр. 3). Въ послѣднее время довольно точно установилась терминологія, что „столбецъ имѣетъ столько-то листовъ, или *склеекъ*“, это каждому понятно и просто. Г. Клейну понадобились „ставы“. Самое же *названіе* отдѣльныхъ *листовъ* свитковъ *„столбцами“* въ старину встрѣчалось чрезвычайно рѣдко, было настолько малоупотребительно, что архивисту, имѣющему за собою опытъ, странно даже читать такія выраженія автора „дипломатическаго изслѣдованія“: „*столбцы* (вмѣсто „листы“), *склеенные* когда-то въ *одинъ* длинный *свитокъ* — столпъ, розняты на множество частей“ (стр. 4), или: „число утраченныхъ *столбцовъ* (вмѣсто „склеекъ“) въ началѣ документа (т.-е. „столбца“ — по нашей терминологіи) не поддается опредѣленію“ (стр. 66). „Всего *въ дѣлѣ* имѣется *54 столбца*“ (вмѣсто—„листа“), стр. 6.

Слѣдуя своему методу, что въ угличскомъ актѣ все обстоитъ благополучно, г. Клейнъ склоняется къ мысли, что дѣло можно считать законченнымъ тѣми послѣдними листками, которые дошли до насъ. Но въ предпослѣдней склейкѣ дѣла го-

ворится, что Государь приказалъ угличское дѣло по договору *вершити, а по* тѣхъ *людей*, которые въ дѣлѣ объявилися, велѣлъ Государь *посылати*" (стр. 41). Такимъ образомъ, этотъ указъ касается двухъ частей: вершенія дѣла и посылки за дополнительными свидѣтелями. И если въ слѣдъ за тѣмъ на послѣдней склейкѣ дѣла записаны даже памяти Дроздову и Жеребцову о доставленіи свидѣтелей, то, конечно, и вторая часть, исполненіе—боярскій приговоръ долженъ бы былъ находиться; онъ, конечно, утраченъ, что свидѣтельствуетъ даже надпись XVII вѣка. Г. же Клейнъ дѣлаетъ такое странное заключеніе: „Соборъ лишь указалъ въ общихъ чертахъ лицъ, которыя достойны наказанія, а исполненіе приговора было, *безъ сомнѣнія*, возложено на какое-либо учрежденіе *вродѣ* Разбойнаго или Земскаго приказа. Поэтому и дѣлопроизводство по наказанію виновныхъ *велось и осталось* въ томъ учрежденіи, которому было поручено то дѣло" (стр. 72). Но Разбойный приказъ вѣдалъ дѣла, исключительно касавшіяся разбойниковъ, а Земскій. или Приказъ земскихъ дѣлъ, вѣдалъ *предварительныя* полицейскія функціи и земельные вопросы по самому городу Москвѣ. Передача такого важнаго дѣла, какъ угличское, второстепенному учрежденію была немыслима.

Послѣднія три указанія мы ставимъ на видъ автору „дипломатическаго изслѣдованія", главнымъ образомъ, потому, что разъ онъ самъ говоритъ, что памятникъ, прежде чѣмъ перейти въ руки историка, долженъ *тщательно* изучиться археографомъ, слѣдовательно, самъ авторъ съ еще большимъ вниманіемъ и съ большею осторожностью долженъ производить свой дипломатическій просмотръ.

За данное же г. Клейномъ фототипическое воспроизведеніе подлинника угличскаго слѣдственнаго дѣла, буквально передающее всѣ 54 листка рукописи, мы должны быть ему благодарны. Жаль только, что подписи на оборотѣ склеекъ подлинника къ распросамъ, челобитнымъ и т. п., въ воспроизведеніяхъ не оттиснуты, а, снятыя отдѣльно, приклеены къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ фототипій въ видѣ бумажныхъ ярлычковъ. Такъ какъ въ изслѣдованіи о томъ не оговорено, то не спеціалисты могутъ подумать, что такія наклейки существуютъ и на подлинникѣ.

Событіе 15-го мая 1591 года въ Угличѣ, будучи яснымъ для современниковъ и для поколѣній, жившихъ въ XVII столѣтіи, столь же, сколь извѣстны, напримѣръ, намъ обстоятельства кончины императора Павла Петровича, попадаетъ въ

XVIII вѣкѣ въ область забвенія, въ XIX — становится загадочнымъ, нѣкоторые историки, какъ Погодинъ, усиливаютъ загадочность, но анализирующіе умы Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевскаго и многихъ другихъ не останавливаются на историческомъ застоѣ, смѣло идутъ впередъ, по немногу очищая отъ наслоеній вѣковъ самое событіе и объясняя роль лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Новое изслѣдованіе г. Клейна не можетъ быть отнесено къ числу подобныхъ трудовъ, способствующихъ поступательному движенію науки. Оно не отвѣчаетъ, прежде всего, тремъ, по моему мнѣнію, доказаннымъ положеніямъ:

1. Что въ Угличѣ произошло 15-го мая 1591 года убіеніе ребенка, а не самозакланіе отъ игры въ тычку.

2. Что кн. В. И. Шуйскій съ товарищами велъ слѣдствіе не справедливо.

3. Что подлинная рукопись угличскаго слѣдственнаго дѣла, вскорѣ послѣ его окончанія, въ интересахъ Годунова, Лжедимитрія и царя В. И. Шуйскаго, во многомъ убавлена и даже подтасована.

Самый же памятникъ письменный, несмотря на его дефектность, является единственнымъ *непосредственнымъ* свидѣтелемъ происшествія въ Угличѣ и, какъ таковой, при послѣдовательной шагъ за шагомъ критической разработкѣ его свидѣтельствъ, можетъ, по моему мнѣнію, дать еще многое для объясненія событія, а любителей родной старины онъ всегда будетъ привлекать своимъ содержаніемъ.

**И. С. Бѣляевъ.**